

<https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-344-360>

Визуальная репрезентация антирелигиозной пропаганды в СССР: «Чудотворец» Александра Пантелеева (1922)

Е. И. Спешилова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Российская Федерация
e.speshilova@yandex.ru

Для цитирования:

Спешилова Е. И. Визуальная репрезентация антирелигиозной пропаганды в СССР: «Чудотворец» Александра Пантелеева (1922) // Визуальная теология. 2025. Т. 7. № 2. С. 344–360. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-344-360>

Аннотация. В статье рассматривается одна из первых советских антирелигиозных картин – фильм «Чудотворец» (1922) режиссёра А. П. Пантелеева как уникальный пример агитационно-массового искусства периода «культурной революции», который ранее детально не осмыслился в научно-исследовательской литературе. Автор применяет визуально-семиотический и историко-культурный подходы для анализа идей, представленных в фильме, а также идеологического и культурного контекста, в рамках которого он был создан. Основное семиотическое значение фильма связано с критикой церкви и её представителей за счёт демонстрации их неверия в возможность свершения сверхъестественного события и стремления сконструировать чудо, руководствуясь исключительно прагматическими мотивами и желанием получить финансовую выгоду. Кроме того, «Чудотворец» служит художественным оправданием советской кампании по изъятию церковных ценностей, которая проводилась в первой половине 1922 года. Благодаря своему простому и понятному сюжету о фабрикации религиозных чудес, фильм пользовался популярностью у советского зрителя. Автор демонстрирует, что антирелигиозная идея «Чудотворца», направленная на дискредитацию действий священнослужителей, не затрагивает и не опровергает фундаментальные основы христианской веры. Более того, показывается, что в фильме есть сцены, связанные со значимостью религиозной веры в жизни народа, совершенно лишённые критического посыла. Несмотря на определённый вклад «Чудотворца» в борьбу советской власти с официальной церковью, его влияние на народную религиозность представляется несущественным.

Ключевые слова: христианство, антирелигиозная пропаганда в СССР, атеизм, визуализация, советское немое кино, «Чудотворец», чудо, разоблачение чудес.

Финансирование: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00277 «Визуальный атлас конфессий»: (анти)религиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-е гг.» в Санкт-Петербургском государственном университете, <https://rscf.ru/project/25-28-00277/>.

Visual representation of anti-religious propaganda in the USSR: A. Panteleev's "Wonder-worker" (1922)

Elizaveta I. Speshilova

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation;
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation
e.speshilova@yandex.ru

For citation:

Speshilova E. I. Visual representation of anti-religious propaganda in the USSR: A. Panteleev's "Wonder-worker" (1922). *Journal of Visual Theology*. 2025. Vol. 7. 2. Pp. 344–360. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-344-360>

Abstract. The article examines one of the earliest Soviet anti-religious films, *The Wonder-worker* (1922), directed by A. P. Panteleev, as a unique example of agitation mass art of the "cultural revolution" period, which has not previously been subjected to detailed analysis in scholarly literature. The author employs visual-semiotic and historical-cultural approaches to analyze the ideas presented in the film, as well as the ideological and cultural context within which it was produced. The primary semiotic significance of the film lies in its critique of the Church and its representatives, achieved through the depiction of their disbelief in the possibility of a genuinely supernatural event and their efforts to construct a "miracle" guided solely by pragmatic considerations and the desire for financial gain. In addition, *The Wonder-worker* serves as an artistic justification for the Soviet campaign to confiscate church valuables carried out in the first half of 1922. Owing to its simple and easily comprehensible plot about the fabrication of religious miracles, the film enjoyed considerable popularity among Soviet audiences. The author demonstrates that the anti-religious thrust of *The Wonder-worker*, aimed at discrediting the actions of the clergy, neither touches upon nor refutes the fundamental foundations of the Christian faith. Moreover, it is shown that the film contains scenes highlighting the significance of religious belief in the life of the people, which are entirely devoid of a critical message. Despite the film's certain contribution to the Soviet authorities' struggle against the official Church, its impact on popular religiosity appears to have been negligible.

Keywords: Christianity, anti-religious propaganda in the USSR, atheism, visualization, Soviet silent film, *The Wonder-worker*, miracle, exposure of miracles.

Funding: the research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 25-28-00277 "Visual Atlas of Faiths: (anti)religious propaganda in the USSR in the 1920s–1930s", in Saint Petersburg State University, <https://rscf.ru/project/25-28-00277/>.

Введение

Визуальная репрезентация различных идей, ценностей, феноменов и практик в первую очередь используется для утверждения, продвижения и распространения того, что демонстрируется, однако нередко она служит и для других целей – критики, опровержения и дискредитации позиции противоположной стороны. Именно в таком негативном ключе религиозные сюжеты демонстрировались в советском кинематографе: «антирелигиозные картины должны были стать эффективным инструментом пропаганды молодого советского государства в борьбе как с официальной церковью, так и с проявлением бытовой религиозности» [Головнева, Головнев 2025, 145]. Противостояние религии на идеологическом фронте было направлено на разрушение «религиозного мирозерцания» и замену его новой социалистической системой взглядов, «миропониманием научным марксистским» [ЦК РКП(б) 1922, 311]. Значительная роль в этом процессе отводилась киноискусству, которое должно было стать «отточенным оружием воинствующего безбожия» [Шагурин 1930, 11] благодаря своей способности «воздействовать на <...> широкие массы людей»¹ [Арнхейм 1960, 173].

Как отмечает И. С. Цыремпилова, «основные установки по вопросам организации и проведения антирелигиозной агитации и пропаганды принимались на самом высоком партийно-государственном уровне»: в 1920 году был создан отдел агитации и пропаганды ЦК РКП(б), который совместно с Главполитпросветом занимался антирелигиозной и естественнонаучной пропагандой среди широких слоев населения [Цыремпилова 2020, 208]. В феврале 1922 года ЦК РКП(б) выпустил и разослал на места циркуляр «О постановке антирелигиозной пропаганды», в котором говорилось о том, что такая пропаганда не должна обострять религиозные чувства верующих и давать повод говорить о преследовании людей за веру [ЦК РКП(б) 1922, 311]. В качестве одного из эффективных методов антирелигиозной пропаганды в циркуляре упоминается политическая сатира, при этом её объектом должны являться не предметы веры и культа, а «общественные слои, которые пользуются ими в своих классовых и контрреволюционных целях» [ЦК РКП(б) 1922, 312; Попова 2021, 195]. Такая установка на сатирическое и комическое изображение деятельности священнослужителей активно применялась в раннем советском киноискусстве.

Антирелигиозная пропаганда в советском кинематографе исследуется в различных научных статьях, посвящённых как анализу концептуальных характеристик таких фильмов, так и рассмотрению отдельных аспектов этой темы [Молчанов 1963; Карлявина 2019 а; Головнева 2023; Фолиева 2023; Головнева, Головнев 2025]. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что некоторые киноленты до сих пор не получили должного внимания со стороны исследователей. В данной статье анализируется одна из первых советских антирелигиозных картин – фильм «Чудотворец» (1922) режиссёра А. П. Пантелеева как уникальный пример массового искусства периода «культурной революции», который ранее детально не осмыслился в научно-исследовательской литературе. Представленная

¹ Как пишет Рудольф Арнхейм, «зрительный образ <...> обладает преимуществами перед другими средствами выражения; и в этом смысле слово слабее картины, а тем более кинофильма» [Арнхейм 1960, 173].

работа основывается на визуально-семиотическом подходе, позволяющем рассматривать фильм как определённое сообщение, которое «транслирует ценностные установки и приоритеты, генерирует эмоциональные состояния» у зрителя [Аванесов 2014, 13]. Кроме того, применяется историко-культурный метод, предусматривающий изучение идеологического и культурного контекста конкретного исторического периода, в рамках которого было создано художественное произведение.

«Чудотворец» А. Пантелеева: история создания и отзывы о фильме

Советская игровая картина «Чудотворец» режиссёра Александра Пантелеева, посвящённая теме «разоблачения церковных чудес», является первым полностью сохранившимся до нашего времени антирелигиозным фильмом². Черно-белая немая комедия в 4-х частях, созданная Севзапкино и Первым петроградским коллективом артистов экрана (ил. 1), вышла в прокат в 1922 году [Мачерет 1961, 37]. Сюжет фильма основан «на материале исторического анекдота из времён царствования Николая I», в котором критикуется «лицемерие и ханжество высшего духовенства» [Лебедев 1965, 165], и отражает идеологические установки воинствующего атеизма, характерные для периода «культурной революции».

Ил. 1. Съёмочный коллектив фильма «Чудотворец», 1922.
Режиссёр А. Пантелеев – четвёртый слева в последнем ряду;
оператор Н. Козловский – в центре первого ряда.
Источник: Ленфильм 1968.

² Более ранний антирелигиозный фильм «О попе Панкрате, тетке Домне и явленной иконе в Коломне» (1918), представляющий собой экранизацию одноимённой басни Демьяна Бедного, сохранился не полностью [Мачерет 1961, 5], однако его сюжет также связан с традицией «антиклерикальной сатиры, высмеивающей определённые пороки священства» [Палышкова 2024, 42–43].

Оператором фильма стал Николай Феофанович Козловский, снявший к тому времени более 60 картин, а автором сценария – Андрей Ефимович Зарин (1862–1929), русский писатель, журналист и редактор различных периодических изданий. Будучи активным противником монархического режима, А. Е. Зарин участвовал в публикации и распространении статей, призывающих к восстанию, за что привлекался к суду и отбывал заключение в Петербургской одиночной тюрьме («Кресты») в 1908–1909 гг. [Рейтблат 1992, 324]. Сценаристская деятельность для А. Е. Зарина была неосновной и ограничилась только сотрудничеством с режиссёром А. П. Пантелеевым в рамках производства трёх фильмов на студии «Севзапкино»: «Чудотворец», «Скорбь бесконечная» и «Отец Серафим»³. Все эти картины были созданы в 1922 году. Александр Петрович Пантелеев (1874–1948) на тот момент являлся одним из ведущих кинорежиссёров Севзапкино и имел большой опыт работы в сфере кинопроизводства: за его плечами было несколько десятков поставленных фильмов разных жанров, в том числе первая агитационная картина «Уплотнение» (1918), снятая по сценарию А. В. Луначарского. По сути, Александр Пантелеев, известный в своё время артист Александринского театра, был «одним из зачинателей советского кино» [Гловацкий 1968, 68], который приступил к режиссёрской деятельности ещё в кинематографии дореволюционного периода.

Производство «Чудотворца» заняло менее двух месяцев: по данным газеты «Известия» от 5 июля 1922 г., Северо-западное кино приступило к съёмке «новой» фильма «Чудотворец» на тему о религиозном невежестве в эпоху Николая I⁴, тогда как в выпуске от 12 августа 1922 г. уже упоминается, что Петроградский фото-кино-отдел только что закончил съёмку новой художественной картины «антирелигиозной пропаганды “Чудотворец” по исторической фабуле эпохи Николая I»⁵. В ролях снялись: П. Кириллов (Еремей Мизгирь, солдат), Е. Туманская (Дуня, его невеста), В. Кожура (Николай I), Б. Ватсон (великий князь Михаил Павлович), Л. Анци-Половский (приказчик), Л. Бантышева (Крысина, помещица) и другие [Мачерет 1961, 37]. Съёмки фильма проходили в сложных условиях: «помощников и средств не было, <...> картина ставилась без художника, осветителей, бутафора, реквизитора» [Гловацкий 1968, 75]. Режиссёр не только самостоятельно готовил оформление, но и подбирал костюмы, мастерил детали военной амуниции (ранцы, кивера, кортики) для солдат николаевского времени.

Премьера картины состоялась 29 августа 1922 г., в сентябре она вышла на экранах советских кинотеатров (ил. 2), и тогда же «русские фильмы выпуска петроградского кинокомитета “Скорбь бесконечная” и “Чудотворец”» были проданы в Берлине с правом показа во всём мире⁶. По словам Б. С. Гловацкого, средства от продажи первых постановок А. П. Пантелеева на иностранном рынке дали материальную базу для дальнейшей работы Первой Петроградской кинофабрики [Гловацкий 1968, 76]. Фильм присутствует в репертуаре московских кино-

³ Ещё один антирелигиозный фильм режиссёра А. П. Пантелеева, который не сохранился до наших дней.

⁴ Известия. 1922. № 147, 5 июля. С. 4.

⁵ Известия. 1922. № 180, 12 августа. С. 5.

⁶ Известия. 1922. № 205, 13 сентября. С. 3.

театров на конец сентября – начало октября 1922 г.⁷, также интересно отметить показ киноленты «Чудотворец» в Петрограде в конце декабря 1922 г. в кино «3-й Интернационал» для слушателей марксистских кружков, школ и кружков политграмоты после доклада на тему «Происхождение Рождества и святок»⁸. Показы антирелигиозных фильмов нередко сопровождались проведением идеологически выверенных лекций с дальнейшим обсуждением их темы.

Ил. 2. Продажа и прокат большой художественной фильма «Чудотворец».

Источник: Кино-жизнь. 1922. № 3. С. 12.

В материалах периодических изданий того времени «Чудотворец» оценивается редко и при этом неоднозначно⁹. Так, в «Известиях» он описывается как «исторический анекдот, раскрывающий религиозное “чудо”, относящееся к эпохе Николая I», который следует признать «слишком растянутым на протяжении четырёх актов». Однако здесь же подчёркивается, что «для провинции и деревни эта картина по сюжету должна иметь большой успех»¹⁰. В третьем выпуске издания «Кино-жизнь» за 1922 год в разделе «Предстоящие новинки сезона» о «Чудотворце» рассказывается как об одной из первых ласточек русского производства, захиревшего во время войны и Революции и вновь подающего свой голос¹¹. Автор материала удивляется, что картина была создана не в Москве, центре кинематографической промышленности, а в Петрограде, бедном техническими и художественными силами, в условиях неблагоприятного для съёмок климата и отсутствия «мало-мальски приличного ателье». Хотя фильм характеризуется в заметке как живой и занимательный, подчёркивается ненасыщенность и простота его сюжета, который «не заинтересовывает зрителя в течение всех четырёх

⁷ Кино-жизнь. 1922. № 3. С. 11.

⁸ Известия. 1922. № 298, 31 декабря. С. 5.

⁹ А. П. Пантелеев в своих записях отмечал, что «картина вначале прошла как бы незамеченной», широкое признание она получила только через год после выпуска [Цит. по: Гловацкий 1968, 75–76].

¹⁰ Известия. 1922. № 226, 7 октября. С. 7.

¹¹ На просмотре «Чудотворца» // Кино-жизнь. 1922. № 3. С. 8.

частей», а также тот факт, что «в картине участвует зелёная молодёжь» (учащиеся Государственной Петроградской школы кинематографии)¹².

Вместе с тем, Н. А. Лебедев в работе «Очерк истории кино СССР: немое кино (1918–1934)» считает, что «Чудотворец» был «бесспорной удачей» для А. П. Пантелеева в отличие от картины «Скорбь бесконечная», которая стала «прямым поражением режиссера» [Лебедев 1965, 165]. Несмотря на то, что «постановка и актерское исполнение, выдержанные в традициях комических агиток времён гражданской войны, не отличались ни новизной, ни большой оригинальностью», в «Чудотворце» был представлен «идейно правильный подход к решению антирелигиозной темы», который, по свидетельству Н. К. Крупской, получил положительный отзыв В. И. Ленина [Лебедев 1965, 166]. Однако уже к концу 1920-х – началу 1930-х годов «Чудотворец» считался не самым удачным художественным примером антирелигиозных фильмов и уступал место картинам более позднего производства, таким как «Старец Василий Грязнов (1924)», «Крест и маузер» (1925), «За монастырской стеной» (1927), «Иуда» (1929), «Опиум» (1929), «Сектанты» (1930) [Головнева, Головнев 2021] и др. Так, например, Н. Шагури́н в книге «Безбожное кино в деревне: методика и практика антирелигиозной пропаганды через кино», рассказывая про первый опыт создания в 1929 году «безбожной кинопередвижки с лектором» [Шагури́н 1930, 11], приводит перечень антирелигиозных фильмов, которые могут использоваться в подобной работе. Среди таких фильмов упоминается и «Чудотворец», однако с комментарием, что в художественном отношении картина уже устарела [Шагури́н 1930, 67].

Антирелигиозная пропаганда в «Чудотворце»: (де)конструирование чуда

Рассмотрим собственно сюжет фильма, который разворачивается вокруг действий главного героя – Еремея Мизги́ря, молодого крепостного крестьянина, влюблённого в дворовую девушку Дуню. События картины датируются 1836 годом. В начале фильма влюблённые тайком целуются на крыльце дома помещицы Крысиной, однако их замечают и докладывают об этом хозяйке, которая отчитывает молодых людей, даёт приказчику распоряжение наказать Мизги́ря 20 розгами, а Дуне грозит в следующий раз обрезать косу. В отместку Мизги́рь устраивает различные озорства – больше всех от его проделок достается приживалкам за ябеды и приказчику, который зарится на невесту Еремея¹³. За все эти провинности и проказы помещица отдаёт Мизги́ря в солдаты, и он попадает на службу в гвардейский полк в Петербург. «Находчивый, разбитной, веселый, он легко справляется со своими служебными обязанностями и, хотя за проказы ему нередко достается от фельдфебеля, никогда не унывает» [Лебедев 1965, 165]. Однако однажды к нему приходит земляк и сообщает печальные вести: «У твоих-то коровенка пала... Дуню в скотницы согнали...». Как раз в этот день отмечают полковой праздник [Гефнер 2009], в связи с чем в полк привозят для проведения молебна Казанскую икону Божьей Матери, которая простояла в одной из зал казармы до следующего дня.

¹² Там же.

¹³ Кино-жизнь. 1922. № 3. С. 10.

Ил. 3. Сцена кражи бриллианта из оклада Казанской иконы Божьей Матери.
Кадр из фильма «Чудотворец» (1922).

Именно с иконой связан кульминационный момент фильма, который определил дальнейшую ситуацию конструирования «чуда из ничего» и антирелигиозный пафос картины. Мизгирь идёт в ночной караул для охраны украшенной драгоценными камнями иконы Богородицы, но, стоя на часах и думая о невзгодах, которые настигли его близких людей, с мыслями «Там горе такое, а здесь богатство... Эх, была не была» решается на отчаянный шаг – штыком разбивает стекло иконы и вынимает из венчика Богоматери бриллиант (ил. 3). Вполне ожидаемо, что утром кража была обнаружена и в совершении этого преступления стали обвинять Мизгирия. Однако находчивый солдат убеждённо уверяет всех, что свершилось чудо и камень ему дала сама Матерь Божия: «Никак нет, сама Богородица дала... Стою это я на часах... Дома стариков оставил и невесту. Работать некому... Коровенка пала... Изба сгорела у отца... К невесте приказчик пристает, ее согнали, а помочь я ничем не могу. Пал я на колени и молюсь Владычице... А она сама вышла из иконы, да и дала мне свой камень». Еремеев, конечно, никто не верит, и его заключают под стражу. И сослуживцы, и ротный командир, и командир гвардейского корпуса считают, что он украл драгоценный камень («Верь ему, брешет он!»), однако Мизгирь всё отрицает и даже священнику не признаётся в содеянном.

Тем временем по городу распространяется слух о свершившемся чуде («слух пошел – все про чудо говорят!»), причём совершенно в разных кругах – среди солдат, прислуги, простого человека, офицерского состава и представителей высшего сословия:

«Вот, братцы, чудо-то: сама Богородица дала камень Мизгирию на бедность...», «Милые мои... Слыхали про чудо? Богородица-то... Матушка-то, Царица Небесная, сама солдатику бриллиантовый камушек пожертвовала...», «Ах, какое чудо! Какое чудо! Софи, едем отслужить молебен в Казанский собор!», «Вы слышали о чуде Казанской Божьей Матери?», «Представьте, Богородица собственноручно дала солдату свой бриллиант!...», «Во, брат, какие дела! Сама Богородица пожертвовала камень...».

Ил. 4. Обсуждение и признание «чуда».
Кадр из фильма «Чудотворец» (1922).

Дело доходит до высшего духовенства, которое оказывается перед дилеммой: «признать чудо – вора покрыть, не признать – церкви конфуз, вере оскудение...». После обсуждения (ил. 4) священнослужители решают признать чудо: «иконе – слава, вере – укрепление!», а церкви, соответственно, доход. К Казанскому собору стекается народ, чтобы увидеть чудотворную икону, растёт число пожертвований, а священники в знак благодарности за такое внимание к иконе передают Мизгирю просфору и 25 рублей.

Чудо официально подтверждается указом Николая I: «Чудотворная икона Казанской Божией Матери проявила свою милость, наградив нашего рядового Еремея Мизгиря драгоценным камнем. Так как милосердию и щедротам Богоматери нет предела, то отныне всякий, кто воспользуется чем-либо от щедрот Ея, подлежит как тать и святотатец наказанию плетью и ссылкой на каторжные работы без срока». Самого Мизгиря освобождают из заключения, драгоценный камень у него забирают, однако разрешают уйти в отпуск на 6 месяцев, чтобы жениться на Дуне, и дают 100 рублей на приданое. Помещице приказывают отпустить Дуню на волю, в качестве выплаты за девушку барыня получает 50 рублей из казны. Сам фильм завершается сценой встречи возлюбленных, в которой Мизгирь рассказывает Дуне свою историю кражи бриллианта из иконы, на что она восклицает: «Ах ты, ЧУДОТВОРЕЦ, чтобы тебе пусто было!...».

Стоит подчеркнуть, что Пётр Кириллов¹⁴ замечательно, естественно и выразительно исполнил роль «чудотворца». Б. С. Гловацкий пишет, что «Мизгирь в его исполнении был близок к образам героев русских народных сказок об умном и лукавом Иванушке-дурачке» и стал «предшественником положительных комедийных образов в советском кино» [Гловацкий 1968, 75]. «Чудотворец – это всегда пограничный персонаж, обладающий чертами трикстера», при этом «в случае псевдочуда герой может быть откровенным плутом, хитрецом или обманщи-

¹⁴ Погиб во время блокады Ленинграда 14 января 1942 года.

ком, притворяющимся не тем, кем он является» [Рудюк 2023, 320]. Именно таким героем является Еремей Мизгирь: находчивый, изворотливый и ни при каких обстоятельствах не отступающий от своей версии он оказывается своеобразным «хитрым лисом», которому удаётся обвести вокруг пальца и государственную, и церковную систему.

Примечательно, что никто из церковнослужителей не допускает даже возможности того, что Мизгирь говорит правду и камень действительно был дарован ему Богородицей. Среди всех персонажей картины, принимающих решение по делу Мизгирия, только великий князь Михаил Павлович, командующий Петроградским военным округом, говорит: «Украл, верно?.. А может и вправду чудо...». Фильм, по сути, демонстрирует механизм (де)конструирования чуда¹⁵: с одной стороны, мы видим поэтапный процесс его «появления» в результате греховного деяния Мизгирия и дальнейшего утверждения различными инстанциями; с другой стороны, разбор всего этого процесса признания чуда, проникнутого неверием священнослужителей в возможность осуществления сверхъестественного события, на отдельные эпизоды, дискредитирует представителей церковной власти – расчётливых и рациональных, готовых признать чудо не на основании личной веры, а исключительно из прагматических соображений. Поскольку «чудо в религиозной жизни занимает очень важное место, для верующей души оно является как бы доказательством бытия Божия, действием Бога в мире» [Булгаков 1935, 5], семиотическое значение показанного в фильме неверия священников в чудо заключается в демонстрации их неверия в Бога и стремления к финансовой выгоде.

Ещё один смысловой аспект эпизода кражи драгоценного камня из иконы в «Чудотворце» определяется социокультурным контекстом того времени. В первой половине 1922 года проводилась масштабная кампания советских властей по изъятию церковных ценностей [Жанбосинова 2015, 271–274] под предлогом помощи голодающим Поволжья и других регионов страны, которая нередко вызывала сопротивление на местах. В этом отношении Мизгирь, ворующий бриллиант из иконы с целью помочь своим близким в сложной ситуации, предстаёт как «своеобразный образ советской власти, которая изымает ценности у церкви на благо народа», а сам фильм становится художественным оправданием действий власти перед общественностью [Воротынцев 2020].

М. М. Шахнович, выделяя пять периодов в истории советского атеизма, пишет о том, что первый из них приходится на 1917–1921 гг. – этап «антирелигиозной, чаще всего, антицерковной агитации», а второй, связанный уже с необходимостью ведения атеистической пропаганды и наступательной борьбы против собственно религии, начинается с публикации в 1922 году статьи В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» [Шахнович 2022, 91]. Несмотря на то, что создание фильма «Чудотворец» приходится на начало второго периода в истории советского атеизма, по своей ключевой идее он отражает в большей мере антицерковные установки первого периода, однако уже в пропагандистском ключе.

¹⁵ В христианстве, по словам митрополита Феофана, «истинное чудо есть видимое, поразительное, сверхъестественное явление (в физическом мире, в телесной и духовной природе человека и в истории народов), производимое личным Живым Богом для достижения человеком религиозно-нравственного совершенствования» [Туляков 1915, 548].

Антирелигиозная идея «Чудотворца», которую «удалось донести тонко и умело, не оскорбляя чувств верующих» [Гловацкий 1968, 75], направлена в первую очередь на критику действий священнослужителей, однако не затрагивает и не опровергает фундаментальные основы христианской веры. Более того, в фильме представлены сцены, связанные со значимостью религиозной веры и обрядовости в жизни народа, совершенно лишённые критического посыла. В частности, так представлена сцена молебна во время полкового праздника, отражающая тот факт, что праздничные ритуалы военнослужащих были тесно связаны с религиозными традициями, а сами военные являлись не только защитниками государства, но и охранителями веры [Гефнер 2009, 78].

В таком ключе показан и эпизод родительского благословения как семиотически важный момент проводов Мизгиря в солдаты: родители провожают сына в своём доме, отец делает крестное знамение, затем берёт икону из рук матери, крестит ею сына и позволяет ему приложиться к святыне; после этого отец возвращает икону матери, которая ставит её в красный угол. Согласно христианству, благословение может нисходить «от Бога непосредственно или через родителей, иерархию и пр.» [Аверинцев 1993, 266–267]. В рамках проводов солдата оно является кульминационной точкой: «этот акт понимается как самый напряжённый момент всего действа – момент коммуникации с сакральным» [Кормина 2005, 153], который во многом определяет успех дальнейшей службы. Ж. В. Кормина подчёркивает, что «обряд родительского благословения при проводах в армию, будучи рассмотренным в диахронии, даёт возможность судить о динамике народной религиозности в русской провинции, поскольку являет собой частный случай народных религиозных практик» [Кормина 2005, 160]. Очевидно, что в эпоху правления Николая I обряд благословения был естественной и органичной частью культурно-религиозной жизни населения, однако, учитывая тот факт, что в советское время целый ряд подобных религиозных ритуалов «перешел в разряд не одобряемых официальным общественным мнением культурных практик» [Кормина 2005, 178], демонстрация родительского благословения в фильме в определённом смысле удивительна: несмотря на то, что эта сцена является лишь отражением реалий своего времени, она имеет скорее прорелигиозный, нежели антирелигиозный характер.

В целом, «Чудотворец» является одним из примеров реализации идеологической политики советского государства, связанной с «разоблачением чудес», то есть явно выраженным направлением антирелигиозной пропаганды, которая осуществлялась в различных визуальных формах, таких как:

а) документальные съёмки кампании по вскрытию мощей¹⁶, разоблачение «церковного обмана» и культа святых, в том числе критика народных и церковных рассказов о связанных с ними чудесах [Шахнович 2023, 171];

б) организация антирелигиозных экспозиций и музеев в зданиях храмов¹⁷, которая включала презентацию «разоблачённых» мощей или хотя бы фотографий

¹⁶ Ранний советский антирелигиозный кинематограф неоднократно «прибегал к теме разоблачения христианской святости – чаще всего через сатирически преподнесённый мотив мощей» [Пальшкова 2024, 47].

¹⁷ Как отмечает М. М. Шахнович, «демонстрация мощей в музеях с антирелигиозными целями нередко вызывала обратный эффект» [Шахнович 2021, 708].

актов их вскрытия [Шахнович 2021, 708], а также популяризацию естественно-научных знаний;

в) создание «научных» фильмов, объясняющих сверхъестественные феномены и демонстрирующих «превосходство научной картины мира над религиозной»; в таких картинах «конструировалась прямая атеистическая линия развенчания сущности верований и религиозных “чудес” опытным путем» [Головнев, Головнева 2025, 789];

г) публикация иллюстрированных материалов в соответствующих журналах («Антирелигиозник», «Безбожник», «Безбожник у станка», «Юные безбожники»), посвящённых дискредитации религиозных чудес, обесцениванию религиозных праздников и утверждению культа науки в противовес вере в чудесное [Новосёлов, Сальникова 2020, 82];

д) распространение антирелигиозных плакатов, в том числе посвящённых обличению священнослужителей, создающих чудеса обманным путём; такие плакаты являлись одним из самых действенных средств донесения своих лозунгов, идей и призывов в малограмотной Советской России [Карлявина 2019 б, 105–106].

Помимо собственно визуальных форм репрезентации антирелигиозная пропаганда в советское время получила широкое распространение в виде таких перформативных практик, как проведение различного рода митингов, демонстраций, карнавалов, шествий и комсомольских праздников, которые должны были «вытеснить религиозные ритуалы» [Цыремпиллова 2020, 209]. Антирелигиозная пропаганда сопровождалась комплексом социокультурных мероприятий, которые охватывали различные возрастные группы и сферы жизни общества, однако, несмотря на это, религиозность продолжала сохраняться «во внутреннем быту большинством населения страны при внешнем провозглашении антирелигиозности официальным государственным вектором»¹⁸ [Головнев, Головнева 2025, 780].

Заключение

«Чудотворец» Александра Пантелеева, один из первых антирелигиозных фильмов советского времени, во многом повлиял на дальнейшее развитие кинематографического представления религиозных тем в контексте пропаганды воинствующего безбожия. Основное семиотическое значение фильма связано с критикой церкви и её представителей за счёт демонстрации их неверия в возможность свершения сверхъестественного события и стремления сконструировать чудо, руководствуясь исключительно прагматическими мотивами и желанием получить финансовую выгоду. Благодаря своему простому и понятному сюжету «о фабрикации религиозных чудес», в котором раскрываются «закулисные проделки церковников и военного начальства», фильм пользовался популярностью у советского зрителя [Молчанов 1963, 70], однако комическая, фарсовая подача материала, направленная на дискредитацию действий священнослужителей, но не на критику основ христианской веры, создавала «эффект “лживого”

¹⁸ Так, например, М. А. Графова в своём исследовании, посвящённом проблеме церковного брака в эпоху НЭПа, приходит к заключению, что «церковный брак по-прежнему был актуальным для значительной части населения, и городского, и особенно сельского» до конца 1920-х годов [Графова 2024, 56].

антирелигиозного кино» [Головнева 2023, 154], которое не могло радикально повлиять на религиозность населения. К концу 1920-х – началу 1930-х годов сформировалось понимание того, что «большая часть фильм в сущности носит не чисто антирелигиозный, а антиклерикальный характер» [Шагурин 1930, 21], и даже отошедшие от православия крестьяне и рабочие «в антирелигиозной пропаганде <...> безбожников не нашли ничего, что могло бы заменить им утраченную веру в православного Бога»¹⁹. В этом отношении «Чудотворец» сыграл определённую роль в борьбе с официальной церковью, однако не оказал какого-либо существенного влияния на народную религиозность.

Библиография

- Аванесов 2014 – Аванесов С. С. Что можно называть визуальной семиотикой? // ПРАΞНМА (Praxema). Проблемы визуальной семиотики. 2014. Вып. 1 (1). С. 10–22.
- Аверинцев 1993 – Христианство: энциклопедический словарь. Т. 1 / Под ред. С. С. Аверинцева. Москва, 1993.
- Арнхейм 1960 – Арнхейм Р. Кино как искусство / Пер. с англ. Д. Ф. Соколовой. Москва, 1960.
- Булгаков 1935 – Булгаков С. Н. О чудесах Евангельских. Париж, 1935.
- Воротынцев 2020 – Воротынцев Г. В поисках «Чудотворца» // Профан – Исторический журнал. 2020, 19 декабря. URL: <https://vk.com/@profunist-v-poiskah-chudotvorca?ysclid=mhd5h3b1q24194011> (дата обращения: 05.09.2025).
- Гефнер 2009 – Гефнер О. В. Праздничная культура военных русской армии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Омского университета. 2009. № 3(53). С. 77–87.
- Гловацкий 1968 – Гловацкий Б. С. Первый советский кинорежиссер А. П. Пентелеев // Из истории Ленфильма: статьи, воспоминания, документы. 1920-е годы. Вып. 1. Ленинград, 1968. С. 68–80.
- Головнев, Головнева 2025 – Головнев И. А., Головнева Е. В. Визуализация (анти)религиозности в СССР. По архивным материалам 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2025. № 3. С. 778–797. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2025-3-778-797>
- Головнева 2023 – Головнева Е. В. Антирелигиозный фильм в СССР (по материалам кинопериодики конца 1920-х – начала 1930-х гг.) // Религиоведение. 2023. № 3. С. 150–159.
- Головнева, Головнев 2021 – Головнева Е. В., Головнев И. А. Советская антирелигиозная фильма. «Сектанты» Владимира Королевича (1930) // Религиоведение. 2021. № 3. С. 151–159. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2021.3.151-159>
- Головнева, Головнев 2025 – Головнева Е. В., Головнев И. А. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-е гг.: академический дискурс и концептуально-теоретические основы развития антирелигиозного кинематографа // Studia Religiosa Rossica. 2025. № 2. С. 132–149. <https://doi.org/10.28995/2658-4158-2025-2-132-149>
- Графова 2024 – Графова М. А. «Надо б в церкви, для крепости»: почему в 1920-е годы в Советской России продолжали венчаться // Шаги/Steps. 2024. Т. 10. № 1. С. 12–67.
- Жанбосинова 2015 – Жанбосинова А. С. Кампания по изъятию религиозных ценностей в 20-е гг. XX в. как метод борьбы с культом // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. № 8. С. 264–275.

¹⁹ Сектантство растёт // Звезда: ежедневная газета Новгородского Округа ВКП(б), Окрисполкома и Окпрофсовета. 1928. № 27, 1 февраля. С. 3.

- Карлявина 2019 а – Карлявина А. И. Антирелигиозный кинематограф в советской пропаганде 1920-х годов // Артикульт. 2019. 35 (3). С. 97–104. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2019-3-97-104>
- Карлявина 2019 б – Карлявина А. И. Отражение кампании по изъятию церковных ценностей в антирелигиозных плакатах 1920-х гг. // Клио. 2019. № 10 (154). С. 105–109.
- Кормина 2005 – Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России: опыт этнографического анализа. Москва, 2005.
- Ленфильм 1968 – Из истории Ленфильма: статьи, воспоминания, документы. 1920-е годы. Вып. 1. Ленинград, 1968.
- Лебедев 1965 – Лебедев Н. А. Очерк истории кино СССР: немое кино (1918–1934). Москва, 1965.
- Мачерет 1961 – Советские художественные фильмы: аннотированный каталог. Том 1: немые фильмы (1918–1935) / Под ред. А. В. Мачерета. Москва, 1961.
- Молчанов 1963 – Молчанов И. Г. Отражение антирелигиозной борьбы в советском киноискусстве // Известия Академии наук Армянской ССР. 1963. № 11. С. 67–76.
- Новосёлов, Сальникова 2020 – Новосёлов А. Л., Сальникова А. А. «Поп с кулаком сварганил “чудо”»: антирелигиозная пропаганда на страницах детского журнала «Юные безбожники» // Современная научная мысль. 2020. № 2. С. 80–86.
- Пальшкова 2024 – Пальшкова М. А. Особенности атеистического дискурса в кинематографе «воинствующего безбожия» 1920-х гг. // Вестник ВГИК. 2024. № 1. С. 41–57.
- Попова 2021 – Попова А. А. Священная история в сатирическом жанре советской антирелигиозной пропаганды 1920-х гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8. № 4 (32). С. 194–203.
- Рейтблат 1992 – Рейтблат А. И. Зарин Андрей Ефимович // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. Том 2. Москва, 1992. С. 323–324.
- Рудюк 2023 – Рудюк Е. С. Чудо как модель в драматургии фильма // Личность и социальные модели в кино: fiction и non-fiction. Москва, 2023. С. 315–324.
- Туляков 1915 – Феофан (Туляков), митрополит. Чудо: христианская вера в него и ее оправдание. Опыт апологетически-этического исследования. Петроград, 1915.
- Фолиева 2023 – Фолиева Т. А. Антирелигиозные фильмы и борьба с антисемитизмом в 20–30-х гг. XX века в Советском Союзе // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 1. С. 93–102.
- ЦК РКП(б) 1922 – ЦК РКП(б). Циркуляр «О постановке антирелигиозной пропаганды» от 4 февраля 1922 г. // Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. Т. 1 в 4 кн. 1917–1924 гг. Кн. 1. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды. Москва, 2017. С. 311–313.
- Цыремпилова 2020 – Цыремпилова И. С. Антирелигиозная агитация и пропаганда в 1920-е годы: формы, опыт и эффективность (на материалах Байкальского региона) // Власть. 2020. № 5. С. 208–214.
- Шагурин 1930 – Шагурин Н. Безбожное кино в деревне: методика и практика антирелигиозной пропаганды через кино. Москва, 1930.
- Шахнович 2021 – Шахнович М. М. Презентация культа христианских святых в антирелигиозных музейных экспозициях эпохи «великого перелома» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 706–717. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.410>

- Шахнович 2022 – Шахнович М. М. Современный взгляд на концепт «научный атеизм»: история возникновения и трансформации // Религиоведение в Казахстане в контексте мирового религиоведения: пройденный путь, традиции, тенденции развития. Астана, 2022. С. 90–97.
- Шахнович 2023 – Шахнович М. М. Культ святых в антирелигиозной пропаганде и исторической науке в СССР в 1920-х – начале 1930-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 41 (1). С. 151–177.

References

- Arnheim 1960 – Arnheim R. Film as art. Transl. into Russian by D. F. Sokolova. Moscow, 1960.
- Avanesov 2014 – Avanesov S. S. What can be called visual semiotics? ПРАΞΗΜΑ (*Praxema*). *Journal of Visual Semiotics*. 2014. 1 (1). Pp. 10–22. In Russian.
- Averintsev 1993 – Christianity: an encyclopedic dictionary. Vol. 1. Ed. by S. S. Averintsev. Moscow, 1993. In Russian.
- Bulgakov 1935 – Bulgakov S. N. On the Gospel miracles. Paris, 1935. In Russian.
- Central Committee of the RCP(b) 1922 – Central Committee of the RCP(b). Circular “On the organization of anti-religious propaganda” of February 4, 1922. *Confessional policy of the Soviet State. 1917–1991: documents and materials: in 6 vols. Vol. 1 in 4 books. 1917–1924. Book 1. Central governing bodies of the RCP(b): ideology of religious policy and practice of anti-religious propaganda*. Moscow, 2017. Pp. 311–313. In Russian.
- Folieva 2023 – Folieva T. A. Anti-religious films and the fight against anti-Semitism in the 20–30s. XX century in the Soviet Union. *Nations and Religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). Pp. 93–102. In Russian.
- Gefner 2009 – Gefner O. V. Festive culture of military men of the armed forces of Russia (2nd half of the 19th – beginning of the 20th). *Herald of Omsk University*. 3 (53). Pp. 77–87. In Russian.
- Glovatsky 1968 – Glovatsky B. S. The first Soviet film director A. P. Panteleev. From the history of Lenfilm: articles, memoirs, documents. 1920s. Is. 1. Leningrad, 1968. Pp. 68–80. In Russian.
- Golovnev, Golovneva 2025 – Golovnev I. A., Golovneva E. V. Visualization of (anti)religiosity in the USSR. Based on archival materials from the 1920s and 1930s. *Herald of an Archivist*. 2025. 3. Pp. 778–797. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2025-3-778-797>. In Russian.
- Golovneva 2023 – Golovneva E. V. Anti-religious film in the USSR (based on film periodicals of the late 1920s – early 1930s). *Religiovedenie*. 2023. 3. Pp. 150–159. In Russian.
- Golovneva, Golovnev 2021 – Golovneva E. V., Golovnev I. A. Soviet anti-religious film. “Sectarians” by Vladimir Korolevich (1930). *Religiovedenie*. 2021. 3. Pp. 151–159. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2021.3.151-159>. In Russian.
- Golovneva, Golovnev 2025 – Golovneva E. V., Golovnev, I. A. Anti-religious propaganda in the USSR in the 1920s – 1930s: academic discourse and conceptual-theoretical foundations of the development of anti-religious cinematography. *Studia Religiosa Rossica*. 2025. 2. Pp. 132–149. <https://doi.org/10.28995/2658-4158-2025-2-132-149>. In Russian.
- Grafova 2024 – Grafova M. A. ‘One should marry in church for a strong marriage’: why people in Soviet Russia in the 1920s kept getting married in church. *Shagi / Steps*. 2024. Vol. 10 (1). Pp. 12–67. In Russian.
- Karliavina 2019 a – Karliavina A. I. Anti-religious movies in soviet propaganda in 1920-s. *Articult*. 2019. 35 (3). Pp. 97–104. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2019-3-97-104>. In Russian.
- Karliavina 2019 b – Karliavina A. I. Reflection of the campaign to seize Church values in anti-religious posters of the 1920s. *Klio*. 2019. 10 (154). Pp. 105–109. In Russian.

- Kormina 2005 – Kormina Zh. V. Farewell to the army in post-reform Russia: an ethnographic analysis. Moscow, 2005. In Russian.
- Lebedev 1965 – Lebedev N. A. Essay on the history of USSR cinema: silent film (1918–1934). Moscow, 1965. In Russian.
- Lenfilm 1968 – From the history of Lenfilm: articles, memories, documents. 1920s. Is. 1. Leningrad, 1968. In Russian.
- Macheret 1961 – Soviet feature films: annotated catalogue. Vol. 1: silent films (1918–1935). Ed. by A. V. Macheret. Moscow, 1961. In Russian.
- Molchanov 1963 – Molchanov I. G. Reflection of the anti-religious struggle in Soviet cinema. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Armenian SSR*. 1963. 11. Pp. 67–76. In Russian.
- Novoselov, Salnikova 2020 – Novoselov A. L., Salnikova A. A. “Pope with a fist bungled miracle”: anti-religious propaganda in the pages of the children’s magazine “Young godless”. *Modern Scientific Thought*. 2020. 2. Pp. 80–86. In Russian.
- Palshkova 2024 – Palshkova M. A. Features of atheistic discourse in the cinema of “Militant Atheism” of the 1920s. *Vestnik VGIK*. 2024. 16 (1). Pp. 41–57.
- Popova 2021 – Popova A. A. Sacred history in the satirical genre of Soviet anti-religious propaganda in 1920s. *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*. 2021. Vol. 8. 4 (32). Pp. 194–203. In Russian.
- Reitblat 1992 – Reitblat A. I. Zarin Andrei Efimovich. *Russian Writers 1800–1917: biographical dictionary*. Vol. 2. Moscow, 1992. Pp. 323–324. In Russian.
- Rudyuk 2023 – Rudyuk E. S. Miracle as a film dramaturgy model. *Personality and Social Models in Cinema: Fiction and Non-Fiction*. Moscow, 2023. Pp. 315–324. In Russian.
- Shagurin 1930 – Shagurin N. Godless cinema in the village: methods and practice of anti-religious propaganda through cinema. Moscow, 1930. In Russian.
- Shakhnovich 2021 – Shakhnovich M. M. Presentation of the cult of Christian saints in anti-religious museum exhibitions during the era of the “Great Turn”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2021. Vol. 37 (4). Pp. 706–717. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.410>. In Russian.
- Shakhnovitch 2022 – Shakhnovitch M. M. Modern view on the concept “scientific atheism”: history of origin and transformation. *Religious studies in Kazakhstan in the context of global religious studies: the path taken, traditions, and development trends*. Astana, 2022. Pp. 90–97. In Russian.
- Shakhnovitch 2023 – Shakhnovitch M. M. The cult of saints in anti-religious propaganda and historical science in USSR in the 1920s – early 1930s. *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*. 2023. 41 (1). Pp. 151–177. In Russian.
- Tsyrempilova 2010 – Tsyrempilova I. S. Antireligious agitation and propaganda in 1920s: its forms, experience and effectiveness (on the material of the Baikal Region). *Vlast’*. 2010. 5. Pp. 208–214. In Russian.
- Tulyakov 1915 – Feofan (Tulyakov), Metropolitan. Miracle: Christian faith in it and its justification. An apologetic-ethical study. Petrograd, 1915. In Russian.
- Vorotyntsev 2020 – Vorotyntsev G. In search of the “Wonderworker”. *Profan – Historical Journal*. 2020, December 19. URL: <https://vk.com/@profunist-v-poiskah-chudotvorca?ysclid=mh-d5h3b11q24194011> (accessed: 09.05.2025). In Russian.
- Zhanbosinova 2015 – Zhanbosinova A. S. Campaign to seize religious values in 20 years of the twentieth century as a method of dealing with cult. *The Worldview of the Population of the South Siberia and Central Asia in the Historical Retrospection*. 2015. 8. Pp. 264–275. In Russian.

Информация об авторе

Елизавета Ивановна Спешилова

младший научный сотрудник

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3;

старший преподаватель, научный сотрудник

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Российская Федерация, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7859-3526>

e-mail: e.speshilova@yandex.ru

Information about the author

Elizaveta S. Speshilova

Junior Research Fellow

Saint Petersburg State University

1/3, Smolnogo St., Saint Petersburg, 191124, Russian Federation;

Senior Lecturer, Research Fellow

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7859-3526>

e-mail: e.speshilova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 04.09.2025

Принят к публикации / Accepted 29.10.2025